

2207

Это интервью долго не получалось. Сначала писатель Григорий Горин под всеми возможными предлогами уклонялся от встречи, потом, когда беседа все-таки состоялась, он остался недоволен своими ответами и настойчиво потребовал:

— Давайте-ка все это зачеркнем, встретимся еще раз и «перебеседуем».

И вот я снова на улице Горького в доме № 17. И снова разговор завязывается как-то трудно. Казалось бы, веселый писатель, юморист, автор многих комедий, но при виде корреспондента сразу стал насторожен...

— Честно говоря, я боюсь и не люблю интервью. Я вообще из породы «самоедов», сомневающийся в каждой написанной строчке, каждая вещь, законченная, перестает мне нравиться. Она — чужая. В ней что-то излишне разъяснено, а что-то сказано наспех. Но в художественном произведении автор все-таки спрятан за героями, за языком, за сюжетом, наконец... В газетном интервью он обнажен, он предстает как бы такой, какой и есть. А какой он есть? Разве он сам знает? И вот один-два неудачных ответа, и ты потом сам видишь себя в кривом зеркале слов... И самому себе тут же хочется возражать.

...Единственная просьба: не забудьте упомянуть, что писатель довольно часто был сам с собой не согласен и сам с собой довольно убедительно спорил... И еще просьба — особенно не акцентируйте на слове «юморист». Я его очень не люблю. Оно заставляет все работы данного автора рассматривать под одним углом. Это несправедливо. В конце концов есть писатели и неписатели. А если при чтении тех или иных рассказов читатель смеется, то в этом, пожалуй, главная заслуга самого читателя, присущего ему чувства юмора. Дело писателя правдиво изобразить жизнь, дело читателя оценить прочитанное смехом, слезами или задумчивым молчанием.

— Известно, что все юмористы (ох, извините, вырвалось по привычке) люди грустные, даже хмурые и не очень любят острить в жизни. А как насчет серьезного подхода к юмору? Любите ли вы теоретизировать по этому поводу?

— Не люблю, но часто приходится. И все-таки мне иногда хочется всерьез поговорить о том жанре, в котором я работаю вот уже двадцать лет.

Так вот, мне кажется, сегодня в нашем жанре наметился определенный кризис. Читая многочисленные «отделы сатиры и юмора» в разных периодических изданиях (в том числе и в «Московском комсомольце»), поражаешься их однообразности, стереотипности.

Клуб 12 стульев «Литературной газеты» разномыслил, расшатался, и вот застрелили его многочисленные отписки. «Администраторы», «учредители», «организаторы» — а всюду один и тот же стиль, один и тот же тип остроумия чуть развязного, похлопывающего читателя по плечу. Рассказики в полстранички, словно написанные одним и тем же автором, да, как правило, на одни и те же темы... Я это называю «смелостью» в специально отведенных местах, т. е. высмеивание беспорядочных вещей. В чем причина этой беды? В том, что юмористика порой забывает, что она часть великой литературы. Подзаголовки «Фельетон», «Юмореска» словно дают право автору не углублять тему, не рассматривать проблему с разных сторон. Это неверно!

Глубже! Еще глубже! — вот к чему хочется призвать всех, кто хочет писать юмористические вещи. Впрочем, почему только писать? И читать!.. Не надо заискивать перед читателями, и не всегда они правы. А ведь иной читатель морщится, если встречается в литературе, которую он определил как «юмористическую» вдруг вещи печальные, страшные, наконец. Помню после рассказа «Остановите Потапова» ко мне приходило много писем от читателей, которым рассказ в общем-то нравился, но удив-

ляло и даже возмущало, что там описано и кладбище, на котором Потапов, замотанный обычной суетой, плачет над гробом, не зная, кто умер... «Это — зря! — безапелляционно утверждали некоторые читатели. — Это из другого жанра. Тут не знаешь, как быть: смеяться, плакать?»

— Нам известно, что и вы работаете в разных жанрах: проза, драматургия, кинодраматургия, журналистика. А всему этому предшествовала работа врача «скорой помощи»...

— Я оставил медицину, потому что очень ее любил и уважал. И не считал возможным быть в ней дилетантом. А серьезная научная работа не дала бы всерьез заняться литературой... Из «двух зол» выбрал меньшее. Неудача писателя менее опасна, чем неудача врача!

— Почему вы никогда не писали о работе врачей?

У нас в гостях — писатель Григорий ГОРИН

— Наверное, потому, что очень хорошо ее знаю. Я там слишком «внутри», а мне кажется, при описании жизни надо чуть-чуть глянуть на явления со стороны...

— Мы сидим в самом центре Москвы, за окном грохочет улица Горького, идут толпы людей. Не мешает ли вам все это работать?

— Нет. Даже помогает. Ведь я писатель сугубо городской. Нет, конечно, меня тяготит городской шум, сумасшедший ритм, суета улиц, нервотрепка обзвонен. Писать я стараюсь где-нибудь за городом, но жить могу только здесь... Этот воздух, насыщенный бензином, к сожалению, мне необходим. Необходим для работы, для ощущения ритма жизни, если так можно выразиться. (Конечно, это вредно для здоровья, как и всем. Но, как шутили древние эскулапы: «Жить вредно! Жизнь — это тяжелый недуг, который тянется довольно долго и имеет, к сожалению, стопроцентный летальный исход»). Мы ругаем город, бежим от него и вновь возвращаемся. Потому что мы — часть его, и главная часть. Я — коренной москвич, я очень люблю и, как мне кажется, чувствую свой город... Я люблю сливаться с толпой, мне хорошо думается в магазинной очереди или на ступеньках эскалатора метро. (Конечно, если очередь небесконечна, а на эскалаторе тебя не толкают в спину). Город надо чувствовать, ощущать... И какое это счастье, когда твое ощущение города окажется близким для миллионов горожан. К сожалению, это мало кому удается. Я лично очень люблю истинно «городские» повести Ю. Трифонова, мне близки переулки в стихах Булата Окуджавы, я поражаюсь тому, как точно слышат городской говор Михаил Жванецкий или Л. Петрушевская... Но, если честно говорить, мы все еще в огромном долгу перед городом. Деревня описана в современной литературе и больше, и точнее.

— А какое место в жизни горожанина занимает театр?

— Огромное. И место, уделяемое театру, в душе горожанина, вырастает на гла-

зах. Сегодня мы идем в театр не только, чтобы ознакомиться с той или иной пьесой, но и чтоб почувствовать свой зал, ощутить и понять друг друга. Посещение спектакля — это приобщение к единомышленникам. Это — «элитарность» в широком, в хорошем смысле слова. Иной человек испытывает почти физический дискомфорт, пока не увидит тот или иной спектакль, который уже видели его друзья, о котором они спорят, а он вроде как ни причем... Вот почему такой бум с театральными билетами. Правда, нельзя не признать, что в Москве катастрофически мало театров. По-моему, меньше сорока. Для восьмимиллионного города, в который ежедневно прибывает миллион гостей, — это не число. И никакие «малые сцены» здесь не помогут. Должны, на мой взгляд, открываться новые и новые залы, рождаться новые коллективы.

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

НАД ЧЕМ СМЕЕТЕСЬ?

— Как человек, пишущий для сцены, вы испытывали чувство недовольства театром, режиссурой, актерами?

— Разумеется. Это — постоянное ощущение драматурга: ах, меня не поняли, ставят не так! Но теперь я понимаю: это неизбежно. Чтобы ты ни придумывал в голове, какой бы спектакль ни рождался во время авторского чтения, наивно полагать, что придут актеры и станут всего лишь послушными пешками в выражении авторских мыслей. Художник работает краской, прозаик словами, драматург пишет, если так можно выразиться, «живыми людьми». Сегодня каждый актер ощущает себя личностью, и он примеряет и подгоняет написанный тобой образ к своему пониманию жизни и событий. Это его право в конце концов! Иногда понимание жизни автором и актером не совпадает. Что ж? Это нормально. И поэтому спектакль не получается! При этом я стараюсь не винить в своих бедах актеров или режиссеров. Сам виноват! Значит, что-то не прописал, что-то не выразил, не зажег других. Вيني себя! Вообще надо развивать в себе чувство самокритики. Нет, не принижать себя, не впадать в уныние от чувства собственной неполноценности, но стараться спокойно посмотреть со стороны на свой успех и на свой неуспех...

— Вам это удается?

— Честно говоря, редко. Я же говорил в самом начале беседы: я — «самоед». Увидев недавно свое выступление в передаче «Вокруг смеха», пришел в отчаяние от того, как я говорил, как читал рассказы... Вот, думал, позор!.. Потом поговорил с людьми, мнение которых уважаю, они сказали: нет, все было очень хорошо!.. Думаю теперь, истина где-то посередине между «позор!» и «очень хорошо!», и еще думаю, что у людей очень много забот, поводов для волнений и тревог, и не надо наивно полагать, что им так уж много дела до твоих выступлений...

— А как вы вообще относитесь к телевидению? Не считаете ли вы, что массовое

увлечение ТВ идет в ущерб чтению, общению, просто прогулкам на свежем воздухе, наконец, размышлениям?

— «Прогулкам» ТВ мешает наверняка. Чтению? Может быть... Но вот размышлениям способствует, это уж точно. Для меня телевидение — самый мощный и самый перспективный вид искусства как по своим выразительным средствам, так и по еще не открытым возможностям. И самое главное — художник может обращаться к десяткам миллионов людей одновременно, «односекундно». Иногда, когда идет интересная передача, я словно физически ощущаю дыхание и биение сердец миллионов зрителей. Никогда в истории человеческой культуры искусство не знало таких возможностей. Но чем выше возможности, тем должен быть выше спрос с музы телевидения... К сожалению, эта дама часто не очень разборчива и отдает свое внимание (а значит, и внимание зрителей) недостойным кавалерам.

— Совсем недавно миллионы зрителей посмотрели «Того самого Мюнхгаузена» и в романтическом печальном герое совсем не узнали того бессовестного вралю, о котором читали в детстве... В связи с этим хотелось бы спросить...

— Допустимо ли такое своеволие? — Может быть, резко сформулировано, но вопрос сводится примерно к этому. Какова возможная степень «современизации» классических персонажей?

— Вопрос сложный, но, как всякий вопрос, становится простым, если внести в него определенность. Надо прежде всего разобраться, о каких персонажах идет речь. Есть персонажи, рожденные фантазией того или иного писателя, и, на мой взгляд, бестактно додумывать за умершего автора... Нелепо «сочинять» новые похождения Чичикова или описывать старость Петра Безухова. Это вызвало бы законный протест со стороны читателя. Но есть герои, порожденные легендой, фольклором. Современное прочтение таких героев не только возможно, но и необходимо. Тиль Уленшпигель, Дон Жуан, Фауст, Ходжа Насреддин... Эти герои живут вечно, они — достояние фантазии всего человечества, и для того, чтобы жить вечно, должны не только никогда не умирать, но и рождаться снова и снова для каждого поколения.

С бароном Мюнхгаузеном еще сложнее. Это был живой человек, живший в восемнадцатом веке в одном из германских княжеств. Этот человек прославился среди современников как «человек оригинального склада ума»... Первую книжку записанных за бароном рассказов выпустил Распе. А позже появилось еще до полусотни книг на разных языках, в которых образ веселого барона, его нелепые фантазии трактовались по-разному. Я очень люблю этого героя, поэтому и решил принять участие во всемирной «мюнхгаузиане», написав сначала пьесу «Самый правдивый...», а затем и сценарий фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Так я увидел приключения этого человека, так его увидел режиссер фильма Марк Захаров, артист Олег Янковский... Соответствует ли это подлинному Мюнхгаузену, сейчас установить невозможно.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Работая на сценарии фильма «Обедном гусаре замолвите слово...» Этот сценарий написан вместе с режиссером Эльдаром Рязановым, съемки подходят к концу, но наша работа над сценарием все время продолжается... Пишу пьесу для Театра Ленинского комсомола. Хочу написать пьесу для Театра сатиры. (С этими двумя московскими театрами всегда связаны мои замыслы). Еще хочу написать книжку рассказов.

— И все-таки, что читатель увидит в самое ближайшее время?

— Интервью в газете «Московский комсомолец». Впрочем, над ним надо бы еще поработать...

Т. ШОХИНА.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. Москва

7 СЕН 1991